

УДК 908

ГРУЗИНСКИЕ ЧАСТИ ВЕРМАХТА И ГЕРМАНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Кринко Евгений Федорович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Южный научный центр РАН
Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону
E-mail: krinko@mail.ru

В статье рассматривается проявление грузинского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны. Уделено внимание численности, оснащённости, а также степени активности грузинских легионеров на фронте.

Ключевые слова: коллаборационизм, грузины, Вермахт, Великая Отечественная война.

Одним из наиболее сложных и дискуссионных вопросов истории Великой Отечественной войны является сотрудничество советских граждан с противником. Если советские историки рассматривали коллаборационистов исключительно как предателей и изменников Родины, то в современной историографии они порой переоцениваются с противоположным знаком – как герои сопротивления сталинскому режиму. Наиболее последовательно тенденция к героизации лиц, сотрудничавших с противником в 1941–1945 гг., проявляется в историографии стран, образовавшихся в результате распада СССР и переживающих непростые процессы конструирования собственных национальных историй, призванных закрепить новые национальные мифологемы. Нередко рассматриваются в качестве борцов за независимость Грузии в борьбе с «советской оккупацией» и грузинские коллаборационисты. Однако политизация проблемы во многом затрудняет ее понимание, а рассмотрение коллаборационизма в антитезе «героизма»/«предательства» приводит к очевидным упрощениям в данном вопросе.

К началу Второй мировой войны опыт военного немецко-грузинского сотрудничества был сравнительно не велик. Впервые

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти Юга России» Подпрограммы фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг.

Германия открыто проявила свой интерес к Кавказу во время Первой мировой войны. В 1915 г. в Берлине было создано «правительство Грузии в изгнании», главной задачей которого провозглашалось ее «освобождение от владычества Российской империи», а в составе германской армии был сформирован небольшой Грузинский легион из эмигрантов под руководством немецких офицеров. Впрочем, это мероприятие практически не вышло за рамки пропагандистской акции. Только в 1918 г. легион был переброшен на родину, где к тому времени уже находились немецкие войска, приглашенные меньшевистским правительством Грузинской демократической республики (далее – ГДР). В боевых действиях он не участвовал, а в Грузии вскоре установилась советская власть.

В 1920-е гг. Германия была крайне ограничена в военной сфере, а главными центрами грузинской военной эмиграции являлись Франция и Польша. Именно с этими странами, прежде всего, с Польшей, выступавшей тогда одним из главных антисоветских центров, и стремились наладить военные и политические контакты лидеры грузинской эмиграции. Грузины служили в польской и французской армиях, проходили специальную подготовку в военно-учебных центрах в Польше. Но реальную возможность реализовать свои антисоветские и антироссийские устремления грузинская эмиграция получила только с началом Второй мировой войны. После подписания советско-германских дипломатических и торговых соглашений Великобритания и Франция планировали операцию по вторжению в СССР с целью ликвидации кавказских нефтяных источников. Средством ее достижения рассматривалась поддержка национального движения народов Кавказа, в частности, создание грузинского батальона, и лишь вследствие быстрого поражения Франции в мае 1940 г. его формирование не завершилось.

В Германии заметно возрос интерес к Грузии с приходом к власти нацистов. В 1938 г. в Берлине для регистрации грузинских эмигрантов и наблюдения за ними было учреждено специальное Грузинское бюро, в 1939 г. переформированное в Кавказское бюро. Этот интерес был взаимным: членами НСДАП стали Г. Габлиани, Ш. Нуридзе и другие эмигранты, а грузинский писатель Г. Робакидзе посвятил А. Гитлеру специальную книгу. Она называлась «Адольф Гитлер. Взгляд иностранного поэта», была издана в Германии в 1938 г. большим тиражом и включена в списки рекомендованной литературы НСДАП.

Высоко оценивали личные качества и политические способности Гитлера и другие представители эмиграции. Впрочем, полного единства в ее рядах по данному вопросу не существовало: социал-демократы (Н. Жордания, И. Церетели, А. Чхенкели, Е. Гегечкори) считали установление нацистской диктатуры в Германии опасным

явлением. Напротив, национал-демократы (С. Кедия, Р. Габашвили, З. Авалишвили) увидели в этом новый шанс возвращения на Родину и активизировали свою деятельность. В 1939 г. в Риме состоялся конгресс представителей грузинских националистических организаций Германии, Чехословакии и Польши, принявших решение об объединении. В конце июля 1940 г. в Риме еще раз собрались грузинские правые для переговоров с лидером горской эмиграции Г. Бамматом о создании общекавказской профашистской организации. Но соглашения не было достигнуто, так как обе стороны претендовали на руководящие позиции. Грузинская эмиграция всегда отличалась высоким уровнем политических притязаний, отражавших не только особенности национального характера, но и ту роль, которую грузины привыкли играть на Кавказе. Поэтому на всех переговорах она отстаивала особый статус Грузии в будущем переустройстве мира.

В условиях подготовки новой войны проекты такого переустройства рождались в недрах разных официальных и неофициальных структур Германии. В их разработке принимали непосредственное участие и отдельные представители грузинской эмиграции, пользовавшиеся доверием руководителей третьего рейха. Так, советник-эксперт по грузинским вопросам руководителя внешнеполитического бюро НСДАП А. Розенберга эмигрант А. Никурадзе выступал за создание кавказского федеративного государства во главе с Грузией под эгидой Германии [1]. Неоднократно обсуждали эмигранты с немецкими чиновниками и возможность создания Кавказской конфедерации.

На самом деле в планах нацистской Германии не предусматривалось предоставления независимости ни грузинам, ни каким-либо другим народам Кавказа. Германские руководители полагали, что стабильность в регионе, уже в силу различий населявших его народов, была возможна только при наличии здесь сильной власти. А. Розенберг подчеркивал, что ни одна из народностей Кавказа не обеспечивала себе самостоятельного существования на продолжительное время, все могли развиваться лишь под защитой великой державы, которая «не намерена вмешиваться во внутренние дела отдельных народов, не имеет никаких культурных и религиозных миссий, а наоборот, намерена охранять и поощрять своеобразие отдельных народов». Такой державой и должна была, по его мнению, стать Германия, а сохранение своеобразия отдельных кавказских народов вполне соответствовало германским интересам [2].

Вскоре после начала Великой Отечественной войны было создано Имперское министерство по делам оккупированных восточных областей, которое возглавил Розенберг. 16 июля 1941 г. было принято решение о создании на советской территории четырех рейхскомисса-

риатов: Остланда, Украины, Москвы и Кавказа. В свою очередь, они делились на генеральные комиссариаты (гаупткомиссариаты), а те – на областные комиссариаты (гебитскомиссариаты). Рейхскомиссаром Кавказа утвердили журналиста А. Шикеданца, в качестве столицы ему определили Тбилиси. На Кавказе планировалось создание пяти больших управлений – Грузии, Азербайджана, Горной страны (или Горного Кавказа), Кубани, Терека – и двух меньших, окружных – Армении и Калмыкии. Их создание, по словам А. Шикеданца, не являлось «обыкновенным приспособлением к бывшим царским, а также большевистским единицам управления, как это предусмотрено в системе управления остальных оккупированных областей Востока», а имело целью сохранение «национальной разрозненности». По этой же причине предлагалось дальнейшее разделение управлений. Например, в Грузии в качестве самостоятельных комиссариатов выделялись Аджария, Абхазия, Южная Осетия.

В сравнении с другими регионами СССР на Кавказе предполагалось проведение более осторожной политики, не ущемлявшей чести и достоинства местных народов [3]. В частности, Розенберг предлагал здесь ввести иные, «тактичные» названия для представителей германской администрации. Рейхскомиссара как главного представителя германской власти на Кавказе он предлагал назвать имперским покровителем, наместником или имперским резидентом по Кавказу. Вместо генеральных округов следовало говорить о «стране Грузии», «стране Армении» и т.д. Начальников управлений этих стран предполагалось называть не генеральными комиссарами, а покровителями, наместниками или резидентами [4]. Позже Розенберг предложил называть их генеральными уполномоченными или генеральными поверенными по Грузии, Азербайджану и т.д., а гаупткомиссаров – особо уполномоченными имперского резидента на Кавказе. По мнению Розенберга, эти названия подчеркивали, что представители германской администрации выступали в качестве третейских судей. В то же время он признавал, что предлагаемые наименования не меняли общих принципов управления оккупированными территориями [5].

Особое внимание Розенберг уделял «со всех сторон угрожаемой Грузии», которая, находясь между враждебными ей азербайджанцами, дагестанцами и армянами, «не является достаточно сильной для господства над остальными народами». Вследствие этого, полагал рейхсминистр, Грузия могла проводить политику «исключительно германской ориентации, также как, вопреки своей враждебности России, она была вынуждена по военным причинам до этого вести прорусскую политику». Розенберг надеялся, что Грузия станет «сильнейшим опорным пунктом скрытого германского господства на Кавказе» и считал выгодным разместить именно здесь столицу рейхско-

миссариата, называя грузин «самым интеллигентным и сильным народом Кавказа».

Рассматривалась и возможность восстановления монархии в «освобожденной Грузии». В 1942 г. съезд представителей грузинских эмигрантских организаций в Риме признал князя Ираклия Георгиевича Багратион-Мухранского претендентом на грузинский престол [6]. Роль «правительства Грузии» за границей был призван сыграть **Грузинский национальный комитет**, созданный при Министерстве по делам оккупированных восточных областей из эмигрантов во главе с Михаилом Кедия и Гиви Габлиани. Но в реальности его деятельность свелась к привлечению грузин к содействию третьему рейху.

Необходимо отметить, что молодые представители грузинской эмиграции с самого начала войны добровольно служили в специальных диверсионно-разведывательных подразделениях Германии. 20 июня 1941 г. отдел иностранной контрразведки абвера поручил рабочему штабу «Румыния» создать организацию **«Тамара»** для ведения диверсионно-разведывательной и агитационной работы, подготовки и организации восстания на территории Грузии. Руководителем организации стал обер-лейтенант доктор Крамер, его заместителем – фельдфебель доктор Хауфе. Организация состояла из двух агентурных групп, члены которых объединялись в небольшие ячейки: «Тамара-1» под руководством унтер-офицера Германа должна была включать 16 грузин, «Тамара-2» во главе с Крамером – 80–100 грузин. Обе группы сформировались во Франции при активном участии М.М. Кедия, часть агентов окончила специальную разведывательную школу недалеко от Парижа.

Сборным пунктом оперативной группы «Тамара-1» стали окрестности города Яссы. В июле 1941 г. группа «Тамара-2» была направлена в Вену, откуда перебралась в Бухарест, Фокшаны и Браилов в Румынии. Уже в начале войны агенты «Тамары» использовались для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу советских войск на Кавказе. Небольшие группы в 4–5 чел. были заброшены в города и поселки на Черноморском побережье – Туапсе, Сочи, Гагру, Гудауту, Гали, Псху, Зугдиди, Батуми. В основном, они состояли из бывших советских военнопленных, не только грузин, но и армян, абхазов, русских, украинцев, и почти сразу же были арестованы.

Неудачей завершились и попытки высадки десантов в Абхазии и Сванетии. Немецкий десант в Сухуми численностью до 1500 чел. планировался на 10–12 мая 1942 г. с одновременным наступлением вермахта на Кавказ, но оно состоялось позже [7]. В ночь с 21 на 22 октября 1942 г. в Сванетии, северо-западнее города Местия, был высажен десант из 30 чел., в том числе 15 грузин, под командованием лейте-

нанта Шийхлера. Десантники должны были объединить разрозненные группы повстанцев в Грузии и перейти в Армению. Им удалось взорвать два склада с боеприпасами, осуществить ряд нападений на колонны советских военнослужащих Красной Армии и автомашин, но во время одной из вылазок они понесли потери и отступили в лес [8].

Диверсионно-разведывательная деятельность на Кавказе особенно активизировалась в связи с созданием в феврале 1942 г. Главным управлением имперской безопасности (РСХА) специального органа «Предприятие “Цепелин”». Так, 27 сентября 1942 г. в Телавском районе Грузинской ССР был арестован эмигрант Г.С. Чиракадзе. Он был заброшен с группой других агентов с заданием установить связь с бывшими членами антисоветских политических партий Грузии и при их помощи попытаться организовать вооруженное восстание и диверсии на коммуникациях, вести сбор военно-разведывательных сведений [9]. Всего на Северном Кавказе с января по ноябрь 1942 г. территориальные органы государственной безопасности обезвредили 170 немецких агентов [10].

В мае 1943 г. в курортном местечке Симеиз в Крыму была организована разведывательно-диверсионная школа абвера с целью подготовки агентов для подрывной работы на Кавказе. В школе было создано три специализированных отделения, одно из которых – морское – состояло из грузин. Во второй половине сентября 1943 г. морская группа прибыла в город Подгорица в Югославии, где принимала участие в операциях против местных партизан, в мае 1944 г. перебралась во Францию и вошла в состав одного из грузинских батальонов.

9 июля 1944 г. на территорию двух районов Грузинской ССР была выброшена группа грузин-диверсантов (позывной «Вера-1»), прошедших специальную подготовку в «Цепелине». Руководил операцией непосредственно начальник «Цепелина» Х. Грейфе. Первоочередная задача агентов заключалась в том, чтобы обосноваться в районе Тбилиси и привлечь националистически настроенных граждан. Члены группы получили от эмигрантов адрес известного тбилисского профессора медицины, не зная о том, что его квартира находилась под наблюдением органов НКВД. При задержании один диверсант погиб, остальные были схвачены. Полученные сведения позволили начать радиоигру и вызвать из Германии новых агентов. Вторая группа диверсантов (позывной «Вера-2») из 6 чел. также была арестована, у нее изъяли стрелковое оружие, радиостанцию, 700 тыс. руб. Была задержана и третья группа диверсантов из 4 чел., имевшая задание организовать проверку деятельности двух предыдущих групп, а в случае их провала вести самостоятельную работу. Группа имела 12 автоматов, 9 винтовок, 14 пистолетов, 30 гранат, 780 тыс. руб., рацию. Ра-

диоигра продолжалась еще некоторое время и была свернута из-за изменения обстановки на фронте [11].

Грузины служили и в специальном подразделении **«Бергман» («Горец»)**, сформированном по инициативе руководителя абвера адмирала В. Канариса в ноябре 1941 г. – марте 1942 г. в лагере Штранс, в 5 км от города Нойхаммера. Немецким командиром части до июня 1943 г. был профессор Кенигсбергского университета и кадровый офицер абвера Теодор Оберлендер, его заместителем – зондерфюрер СС барон Вальтер фон Кутченбах. Первоначально подразделение считалось батальоном, хотя превышало его стандартную численность. «Бергман» состоял из 1200 чел.: 900 кавказцев и 300 немцев, разделенных на пять стрелковых и штабную роты. Грузины служили в 1-й, 4-й и 5-й ротах. Помимо добровольцев из военнопленных и эмигрантов сюда вошли 130 чел. из бывшей группы «Тамара-2». Немецкие военнослужащие перешли в батальон из 1-й, 2-й и 3-й горнострелковых дивизий вермахта.

Военнослужащие «Горца» были обмундированы в стандартную немецкую форму, офицеры носили знаки различия, разработанные для восточных частей. Главным отличием был особый нарукавный шеврон, символы которого имели явно вайнахское происхождение: на темно-синем поле три золотых волчьих головы, соединенные с центральным золотым кольцом [12]. «Бергмановцы» также носили на отворотах горных кепи или на петлицах нерегламентированные уставами миниатюрные эмалевые эмблемы в форме кавказских кинжалов. Допускалось и ношение национальной кавказской одежды, включая черкески и бурки [13]. На вооружении находилось преимущественно легкое оружие: ручные пулеметы, ротные минометы, противотанковые ружья и карабины германского производства [14].

Пройдя в течение четырех месяцев усиленную горно-егерскую и стрелковую подготовку в Баварских Альпах, в августе 1942 г. батальон был переброшен на Кавказ. В пути личный состав «Бергмана» в целях сохранения тайны выдавал себя за басков или боснийских мусульман [15]. В августе-сентябре 1942 г. специально подготовленные разведывательно-диверсионные группы из состава «Бергмана» были брошены в советском тылу для разрушения коммуникаций, ведения пропаганды, создания паники. Они разбрасывали листовки за линией фронта, вели радиопередачи с призывом переходить к немцам, вербовали агентов из местных жителей и красноармейцев.

10 сентября 1942 г. батальон прибыл в Моздок и занял оборону в районе реки Терек, станицы Ищерской и высоты 116. 1-я рота была придана 23-й танковой дивизии и действовала в районе Моздока, 4-я – в районе Эльбруса, перед 5-й стояла задача захватить Военно-Грузинскую дорогу. Штаб батальона разместился в Пятигорске, затем

в Нальчике при штабе 1-й танковой армии генерала Э. Клейста. Осенью и зимой 1942–1943 гг. батальон проводил операции против партизан в районе Моздока, Нальчика и Минеральных Вод. Начальник штаба группы армий «А» генерал-лейтенант Х. фон Грайфенберг в своем докладе, отмечая его заслуги, как и ряда других частей из советских граждан, сообщал, что они действовали «в обширных лесных районах часто полностью самостоятельно, успешно боролись с бандами [так в немецких документах именовались партизаны – *Е.К.*] и внесли большой вклад в дело обеспечения умиротворения этих районов» [16].

Кроме того, немецкое командование сформировало из «бергмановцев» более 10 мобильных групп для применения в диверсионно-разведывательных и пропагандистских операциях. Одна из диверсионных групп, состоявшая из грузин, переодетых в форму военнослужащих Красной Армии, в сентябре 1942 г. взорвала мост в районе Минеральных Вод, помешав организованному отступлению советских частей. Другая грузинская группа захватила стратегически важный мост в районе Пятигорска и удерживала его до подхода немецких танков. Участник этой операции Г. Надарая был награжден Железным крестом 2-го класса, несмотря на то, что эта награда предназначалась только для немецких военнослужащих. Впоследствии он погиб в бою и был посмертно награжден Железным крестом 1-го класса [17].

Удачно завершилась и пропагандистская операция против личного состава 414-й советской грузинской стрелковой дивизии, занимавшей в октябре-ноябре 1942 г. линию фронта между аулами Бено-Юрт и Мундар-Юрт южнее Ищерской. Под влиянием передач через громкоговорители, которые велись на грузинском языке, на сторону противника почти полностью перешел 3-й батальон 1375-го стрелкового полка дивизии и личный состав одной из артиллерийских батарей. Из-за массовых переходов и разложения личного состава советское командование сняло дивизию с передовой.

В результате успешных действий пропагандистов численность «Бергмана» выросла, в его составе были сформированы новые подразделения, в том числе грузинские стрелковая рота из 200 чел. и конный эскадрон из 250 чел. под командованием князя А.М. Дадиани. Рота участвовала в борьбе с партизанами, а эскадрон привлекался для действий на передовой в районе реки Баксан, прикрывая отступление частей вермахта.

В середине декабря «Бергман» был выведен из-под контроля абвера и подчинен верховному командованию сухопутных войск. При отступлении немецких войск с Северного Кавказа подразделения батальона находились в арьергарде и выполняли ряд специальных операций, например, по уничтожению промышленных предприятий. Че-

рез Краснодар, станицу Славянскую и Керчь они перебрались в Крым и разместились в деревне Коккозы. В Крыму «Горец» использовался для проведения карательных операций против партизан, охраны побережья в районе Балаклавы и западнее Евпатории, а также железной дороги Симферополь – Севастополь. В апреле 1943 г. «Бергман» был переформирован в полк, личный состав распределен по национальному признаку в три батальона. 1-й грузинский батальон состоял из четырех рот и кавалерийского эскадрона, им командовал майор Эдмунд Бранд. Всего в середине апреля в «Бергмане» служило 1080 грузин [18].

В конце октября 1943 г. в условиях начавшегося советского наступления 153-я дивизия вермахта, в которую входил «Бергман», была переведены на север полуострова. Грузинский батальон перебрался в село Бесчестное, южнее перешейка. 1 ноября он получил приказ отразить атаку советских войск в районе Сиваша и после кавалерийской атаки грузинского эскадрона овладел селом Уршино. На протяжении недели после этого «Бергман» вел тяжелые бои против советских войск, стремившихся ворваться в Крым. За успешные действия генерал-фельдмаршал Э. Клейст объявил благодарность командиру грузинского батальона.

В конце 1943 г. «Бергман» был переименован в полк «Альпинист», командный состав заменен офицерами, прибывшими с Таманского полуострова. В начале апреля 1944 г. полк был переброшен в Румынию, затем в Грецию, где использовался для охраны шоссе и железных дорог и борьбы с партизанами. В октябре он передислоцировался в Албанию, затем в Македонию и Сербию, принимал участие в боях против местных партизан, советских и болгарских войск. В феврале 1945 г. полк находился в Хорватии, в районе Сараево, в марте направился в район города Аграма (Загреб) и в начале мае был расформирован.

Хотя Гитлер первоначально отрицательно относился к идее создания отдельных вооруженных соединений из жителей СССР, многие командиры вермахта с первых месяцев войны использовали советских военнопленных разных национальностей в качестве шоферов, проводников, подсобных рабочих на кухнях и в мастерских. Их называли «Hilfswillige» (буквально – «добровольная помощь») или сокращенно «хиви». Главной причиной привлечения советских граждан к службе в рядах вермахта стали большие потери немецких частей на Востоке, а также подъем сопротивления на оккупированной советской территории. Эти же факторы вынудили германское командование пойти на создание вооруженных частей и соединений из советских жителей. Предполагалось, что они не только заменят немецкие войска в охране объектов и борьбе с партизанами, но и будут участвовать в боевых

действиях на фронте. В создании таких формирований из грузин, как и других народов Кавказа, существенную роль играл не только военный, но и политический фактор, отражавший стремление части руководителей третьего рейха использовать их национальные чувства в собственных интересах.

30 декабря 1941 г. Гитлер отдал приказ о создании специального вооруженного соединения из грузин – **Грузинского легиона**. Как и другие национальные легионы, он в реальности никогда не представлял собой целостного соединения и существовал в виде отдельных батальонов, действия которых между собой практически не координировались. Легионы представляли собой одновременно и запасные части для подготовки и обучения личного состава, поэтому местом их дислокации был определен тыловой район – территория Польского генерал-губернаторства. Центром формирования грузинского легиона стало местечко Крушна в Польше, позже его штаб перевели в литовский город Мариамполь. Подчинялся Грузинский легион Штабу командования восточных войск. Командующим восточными легионами в Польше был назначен полковник Ральф фон Хайгендорф.

Идея создание легиона была с энтузиазмом поддержана прогермански настроенной частью грузинской эмиграции, прежде всего, проживавшей в Германии, а также во Франции и Бельгии. Впрочем, часть грузин-эмигрантов приняла активное участие в сопротивлении оккупантам в Бельгии и Франции. Тем не менее в целом в Грузинском национальном комитете и в самом легионе между эмигрантами и бывшими советскими гражданами сложилось полное согласие. Этим они существенно отличались от русских коллаборационистов, так и не нашедших общего языка с эмигрантами. Активное участие в формировании легиона приняли эмигранты Цхомеладзе, Зулукидзе, Залдастани и другие офицеры армии ГДР. Грузинским руководителем легиона стал полковник царской армии, бывший губернатор Тифлиса Шалва Маглакелидзе.

Первоначально в грузинский легион входили, помимо грузин, осетины, абхазы, адыгейцы, черкесы, кабардинцы, балкарцы, карачаевцы. Первым командиром легиона стал капитан Вильгельм Хуссель, его сменил обер-лейтенант Клаус Брайтнер. Позже уроженцы Северного Кавказа вошли в отдельный Северокавказский легион. В 1942 г. были сформированы 795-й («Шалва Маглакелидзе») и 796-й батальоны, в 1943 г. еще шесть батальонов, носивших имена известных исторических деятелей Грузии для усиления пропагандистского эффекта. В начале 1943 г. на фронт отправились 797-й батальон «Георгий Саакадзе», 798-й «Царь Ираклий II Багратиони», 799-й «Царь Давид Строитель Багратиони-Ахмашенебели» и 822-й «Царица Тамара», во

второй половине 1943 г. – 823-й «Шота Руставели» и 824-й «Илья Чавчавадзе».

Полевые батальоны легиона состояли из 800–1000 солдат и офицеров, в том числе до 60 немцев (4 офицеров, 1 военного чиновника, 32 унтер-офицера и 23 рядовых) и включали 3 стрелковые, пулеметную и штабную роты. Каждая стрелковая рота делилась на 3 стрелковых и пулеметный взвод по 50 чел. в каждом. Пулеметная рота состояла из 3 пулеметных и минометного взводов. Штабная рота включала саперный, минометный, противотанковый взводы и взвод связи [19]. На вооружении имелось немецкое и трофейное советское стрелковое оружие и пулеметы. Минометный взвод имел от 9 до 15 минометов разных калибров, а противотанковый – 3–4 45-мм противотанковые пушки.

Весной 1942 г. значительно возросла численность советских военнопленных тюркского и кавказского происхождения в боевых порядках группы армий «Юг», поскольку соединения Красной Армии на этом участке фронта пополнялись за счет жителей Средней Азии и Кавказа. Это позволило создать в мае 1942 г. еще один центр формирования восточных батальонов на Украине, на базе штаба 162-й дивизии вермахта, расформированной из-за больших потерь. Начальником штаба был назначен полковник (с 6 сентября 1942 г. – генерал-майор) Оскар фон Нидермайер, считавшийся в Германии одним из лучших специалистов по России и мусульманскому Востоку. Грузинский легион под командованием подполковника Ристова, затем подполковника Мауса расположился в лагере военнопленных в Гадяче Полтавской области [20].

Сформированные на Украине батальоны носили двойную нумерацию (первая римская цифра означала порядковый номер батальона, вторая, арабская – номер дивизии вермахта, предоставившей кадровый персонал): I/1, I/9, II/4-й и II/198-й батальоны. В отличие от батальонов, сформированных в Польше, численность немцев в них была меньше – 37 чел.: 4 офицера, 1 военный чиновник, 7 зондерфюреров, 15 унтер-офицеров и 10 рядовых. В стадии формирования находились также II/125-й и III/9-й батальоны, позже вошедшие в состав 162-й пехотной дивизии [21].

Личный состав Грузинского легиона формировался из трех основных групп: перебежчиков из РККА, советских военнопленных, эмигрантов и их детей. Перебежчики составляли самую небольшую долю среди легионеров, основная масса которых приходилась на советских военнопленных. Для отбора легионеров в лагерях военнопленных создавались специальные комиссии под руководством эмигрантов, проверявшие красноармейцев с точки зрения их благонадежности [22]. Вербовщики обещали уже осенью 1942 г. «разгромить не-

навистных большевиков, с национальными знаменами вступить в Грузию, навести там “порядок” и пить грузинское вино» [23]. В случае успеха военных действий германские чиновники говорили о возможности создания «независимого грузинского государства» под немецким протекторатом по образцу Словакии и Хорватии. При этом Грузии предполагалось передать Закатальский и Сочинский округа, давались также неопределенные обещания последующего пересмотра ее границ с Турцией.

Среди военнопленных грузин была развернута масштабная пропагандистская работа, включая и издание газеты на грузинском языке – «Сакартвело» («Грузия»). Пропагандисты убеждали, что Грузия попала в состав СССР в результате «советско-турецкой агрессии» 1921 г. и ее «оккупации чужеродным коммунистическим режимом». Поэтому для освобождения страны от «иностранной власти» можно было использовать любые средства, в том числе и союз с нацизмом. Эти слова находили определенную поддержку среди части националистически настроенных грузин, особенно старшего возраста. Как и другим советским военнопленным, им сообщали о значительных победах немецких войск, захвате Москвы, Ленинграда, Сталинграда, Сочи, Тбилиси и других городов, зачитывали приказ № 270 Ставки Верховного Главнокомандования, объявлявший их изменниками Родины [24].

Но главным фактором, вынудившим пойти на сотрудничество с противником советских бойцов и командиров разных национальностей, стали крайне тяжелые условия их существования, вынуждавшие записываться в восточные легионы, чтобы не умереть в немецком плену от голода, холода и болезней. В результате в рядах легионеров оказались представители самых разных слоев советского общества, включая родных и близких членов высшего руководства страны. Так, командиром отделения в Грузинском легионе служил племянник жены наркома внутренних дел СССР Л.П. Берия Т. Шавдия, 1923 г.р., накануне войны – курсант Подольского стрелково-пулеметного, затем Ново-Борисовского бронетанкового училища, сдавшийся в плен в июле 1941 г. За службу в легионе он был удостоен медали. В 1945 г. попал в СССР, позже был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей [25].

Завербованные отделялись от других военнопленных и помещались в специальные лагеря для медицинского освидетельствования и карантина с целью улучшить состояние здоровья, так как ввиду полного истощения многие будущие легионеры к несению службы были физически непригодны. Новобранцы проходили учебу в подготовительных лагерях, в программу которой входили общефизическая и строевая подготовка, усвоение немецких команд и уставов. Строевые занятия проводили командиры рот – немцы – с помощью переводчи-

ков, а также командиры взводов и отделений – грузины. По окончании курса обучения, продолжавшегося в течение 2–4 месяцев, легионеры переводились в батальоны, получали немецкое обмундирование, оружие и снаряжение. В батальонах с ними проводилась тактическая подготовка, изучение материальной части оружия. Военная подготовка завершалась коллективным принятием присяги и вручением национального флага. Должности выше командира роты обычно занимали немецкие офицеры, младший командный состав подбирался из эмигрантов-офицеров и бывших командиров РККА, прошедших двухнедельную подготовку в специальной школе на станции Легионов [26].

Легионеры носили форму пехотных частей вермахта довоенного образца – темно-зеленые мундиры, но без нагрудного знака – орла со свастикой, который в обязательном порядке находился на правой стороне чуть выше нагрудного кармана у военнослужащих-немцев. Однако грузины нередко игнорировали запрет и демонстративно носили на груди этот знак. В конце войны грузинским легионерам выдавалось обмундирование светло-серого и светло-песочного цвета, изготовленное для уже разгромленного к этому времени союзниками Африканского корпуса фельдмаршала Э. Роммеля [27].

Для грузинских легионеров были специально разработаны погоны, петлицы, кокарды и нарукавные знаки, в основу которых была положена символика ГДР. Погоны были серого цвета с красной выпушкой, белыми или серебряными галунами, петлицы – красного цвета с белыми галунами. Офицеры, начиная с обер-лейтенанта, носили погоны в виде узкого серебряного жгута с золотыми лычками. Общим отличительным знаком всех грузинских легионеров, независимо от занимаемой должности и звания, являлась нарукавная нашивка с изображением флага ГДР и надписью «Georgien» (Грузия) [28]. 20 февраля 1944 г. личному составу восточных войск, включая и легионеров, разрешили ношение петлиц и погон вермахта, единственными отличительными знаками остались нарукавные нашивки и кокарды [29].

Общий порядок службы легионеров регулировало Положение о местных вспомогательных силах на востоке, утвержденное Верховным командованием сухопутных сил в августе 1942 г. Согласно данному положению, военнослужащие восточных войск должны были заменить немецких солдат для использования последних в действующих частях. Вводилось денежное содержание по трем разрядам: военнослужащие, служившие по первому разряду, получали 30 марок (375 руб.), по второму – 36 марок (450 руб.), по третьему – 42 марки (525 руб.). В юридическом отношении и продовольственном обеспечении легионеры официально приравнивались к другим военнослу-

жащим вермахта, но фактически во всем уступали им, оставаясь теми же военнопленными, которых за проступки могли вернуть в прежние лагеря [30].

В 1942 г. на фронт из Мариамполя отправились полностью экипированные 795-й и 796-й грузинские батальоны общей численностью свыше 2 тыс. солдат и офицеров. 795-й батальон попал на фронт в октябре 1942 г. в районе Нальчика и был придан 23-й танковой дивизии 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Батальон состоял из 934 грузин и 41 немца, им командовали обер-лейтенант Ширр и полковник Маглакелидзе. Однако лояльность легионеров вызывала у немецкого командования и самого Маглакелидзе обоснованные сомнения, так как при его формировании не соблюдался принцип добровольности. По пути на фронт из батальона сбежали 10 чел. и еще 50 чел. – уже на фронте [31] (по данным советской разведки, дезертировали 170 чел. Часть менее надежных солдат свели в дорожно-строительную роту, из которой 13 чел. впоследствии также дезертировали [32]).

Еще в июне 1942 г. в лагере военнопленных в Польше была сформирована подпольная группа, решившаяся организовать переход батальона с оружием на советскую сторону. 8 октября в районе станицы Новополтавской и хутора Баксановского на участке 2-й гвардейской стрелковой дивизии к командованию 37-й армии явились в качестве парламентаров трое военнослужащих-грузин. Они принесли с собой обращение к советскому командованию, в котором говорилось: «Грузинский легион в составе 750 чел. не хочет воевать против своих братьев. Солдаты – бывшие красноармейцы и командиры, попавшие в плен к немецким фашистам, рады получению оружия для того, чтобы повернуть его против немцев». Легионеры сообщали, что они со всем вооружением и обозом готовы с боем перейти на сторону Красной Армии.

Штаб 37-й армии разработал план, по которому переход намечался в ночь с 9 на 10 октября 1942 г., для этого через реку Баксан готовилась переправа. Весь личный состав батальона был ознакомлен с планом, младшие командиры получили задания по организации и боевому обеспечению предстоявших действий. Однако часть легионеров выдала план немцам, вечером 9 октября в батальоне начались аресты. Был схвачен главный организатор перехода – командир взвода штабной роты унтер-офицер М. Мурманидзе, затем другие подпольщики, часть из них оказалась расстреляна, другие сумели бежать и перейти в расположение советских войск. В ходе стихийно вспыхнувшего восстания легионеров возглавил Н. Джалалов. Восставшие перебили тех, кто их выдал, и в течение полутора часов ранним утром 10 октября в районе станицы Новополтавской вели бой с немцами, которые сосре-

доточили против них два батальона пехоты и артиллерию. Высланный на помощь советский батальон пробиться к восставшим не смог. Всего на советскую сторону удалось перейти мелкими группами и в одиночку 33 чел., остальных легионеров немцы пулеметным и минометным огнем загнали в окопы и обезоружили [33].

После этого 795-й батальон сняли с передовой и отвели в Крупско-Ульяновский район на переформирование. К началу ноября часть легионеров распределили по нескольким лагерям для следствия и суда, более надежный личный состав свели в две роты (стрелковую и пулеметную), которые в дальнейшем действовали достаточно успешно. Они участвовали в боях на осетино-грузинской границе на участке Хазнидон – Новый Урух, сумев отбить попытки советских войск овладеть данными селами, захватить пленных и трофеи. 31 декабря 1942 г. переформированный 795-й батальон начал отступление на Тамань, откуда его перебросили в Крым, а весной 1943 г. вывели в генерал-губернаторство для восстановления.

Следует отметить, что советское командование в большинстве случаев имело подробную информацию о находившихся на кавказском фронте восточных легионах вермахта. Об этом свидетельствует, в частности, специальный «Справочник по национальным частям и легионам, действующим перед фронтом Черноморской группы войск Закавказского фронта в составе 17 армии». Этот документ был подготовлен разведотделом штаба Черноморской группы на основании показаний военнопленных и перебежчиков и имел гриф «Совершенно секретно» [34]. Справочник в целом содержит достоверную картину событий на 1 января 1943 г., хотя в нем и встречаются отдельные неточности, а также противоречия в приводимых сведениях с немецкими документами.

В частности, различается численность 796-го грузинского батальона (в справочнике он фигурирует как 2-й грузинский батальон), участвовавшего в боевых действиях на туапсинском направлении. Согласно немецким документам, в нем служили 912 грузин и 37 немцев [35]. По данным советской разведки, прибыв на фронт, батальон состоял из 825 чел., в том числе до 500 активных штыков, имел 10 автоматов ППШ, 8 станковых и 36 ручных пулеметов, 6 минометов калибра 50 мм, 3 миномета калибра 82 мм. Впрочем, эта разница в численности может объясняться тем, что немецкие и советские документы фиксировали ее в разное время: на этапе завершения подготовки и в период боевых действий. Командовал батальоном капитан Эйсманн (в справочнике указан Гофман). 20 сентября 1942 г. батальон погрузился в железнодорожный эшелон и отправился из Радома в Таганрог, оттуда через Ростов-на-Дону прибыл в Майкоп. Затем через железнодорожную станцию Нефтяную был выведен в район высоты 977

в 5 км к юго-западу от села Гунайка Армянского района, куда и прибыл 6 ноября 1942 г. [36].

Не доверяя полностью личному составу батальона и желая проверить его боевые качества, немецкое командование выдвинуло на передовую линию только 2-ю и 3-ю роты в район высоты 394,7 в 1 км южнее Гойтха. В начале советского контрнаступления батальону были дополнительно приданы до 40 немецких солдат. Благодаря успешным действиям 2-й и 3-й рот, а также ввиду начавшегося советского наступления немецкое командование 27 ноября 1942 г. вывело на передний край и 1-ю роту. Однако по предварительной договоренности с командиром одной из дивизий на советскую сторону перешли 82 легионера во главе с командиром 3-й роты, бывшим капитаном РККА Виктором Чичинадзе [37]. После этого 796-й грузинский батальон был реорганизован в дорожно-строительную часть. В. Чичинадзе заявил, что многие грузины «добровольно согласились вступить в легион, чтобы вырваться из немецкого плена и перейти на сторону Красной Армии» [38].

В районе Анапы, Новороссийска и Темрюка действовали еще два грузинских батальона. I/9-й под командованием обер-лейтенанта Курта Штрака состоял из 927 грузин и 37 немцев и был придан 9-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса, а II/4-й под командованием капитана Пауля Бартшта – из 929 грузин и 36 немцев и был придан 4-й горно-егерской дивизии 49-й горнострелкового корпуса. К апрелю 1943 г. они были вместе с 796-м батальоном выведены в Крым [39].

II/198-й батальон летом 1943 г. оказался в эпицентре боев в самом центре советско-германского фронта. Перед началом операции «Цитадель» он был придан 198-й немецкой пехотной дивизии, затем 3-му танковому корпусу 4-й танковой армии, наступавшей со стороны Белгорода. Согласно командиру батальона капитану фон Мюллеру, легионеры добросовестно несли патрульную службу в Харькове и его окрестностях, строили позиции под сильным советским артиллерийским огнем. Батальон охранял от нападений партизан коммуникации в тылу 4-й танковой армии. После перехода советских войск в наступление грузинские легионеры защищали подступы к Харькову. Во время отступления вермахта к Днепру осенью 1943 г. легионеры хорошо проявили себя при несении охранной службы в районе Кременчуга и Кировограда [40].

Тем не менее постоянные переходы легионеров на сторону советских войск и партизан привели к тому, что немецкие солдаты считали их ненадежными союзниками. Военнопленный ефрейтор 2-й роты 23-го трофейного батальона И.-М. Швейгер на допросе утверждал: «Общее мнение солдат таково, что все эти иноземные части в первый же удобный момент изменят и начнут стрелять в спину немецким

солдатам... В своем большинстве солдаты оценивают мобилизацию этих людей в германскую армию как показатель нашей слабости. Мое мнение таково, что все эти различные легионы есть показатель приближающейся гибели Германии» [41].

Гитлер, в отличие от Розенберга, всегда скептически относился к идее создать «ось Берлин – Тбилиси». В декабре 1942 г. он прямо заявил: «Не знаю, как поведут себя грузины. Они не принадлежат к тюркским народам... Я считаю формирование этих чисто кавказских батальонов чрезвычайно рискованным делом». Только мусульманские части вызывали доверие фюрера [42]. К концу 1943 г. Гитлер принял решение разоружить все части и подразделения, сформированные из представителей народов СССР, а личный состав использовать в качестве рабочей силы.

Представители верховного командования вермахта убеждали фюрера в том, что подобный шаг может иметь катастрофические последствия: восточные войска к тому моменту насчитывали 427 тыс. чел., что примерно равнялось по численности 30 германским дивизиям. Генерал восточных войск Х. Гельмих указывал на то, что донесения о ненадежности данных частей не отвечают действительности, а численность перебежчиков и пленных в них примерно такова, как и в немецких частях. Тем не менее было принято решение перевести легионы на второстепенные театры боевых действий – во Францию, Италию, на Балканы. Впоследствии начальник отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба вермахта генерал-майор Р. Гелен, указывая на ошибочность данного решения, с сожалением отмечал, что вследствие этого «пострадала идея освобождения народов России, а генеральный штаб лишился возможности использовать мощное психологическое и пропагандистское средство для ведения войны» [43].

Действительно, когда Грузинскому национальному комитету и учебному центру в Мариамполе было предписано в срочном порядке перебазироваться в город Конфлан во Франции, а грузинским батальонам – в Нормандию и Бретань, это вызвало резкий протест со стороны легионеров, порой принимавший форму открытого неповиновения, поскольку для них тем самым отдалялась возможность «освобождения» Грузии. В формирующихся частях началось массовое дезертирство, немало грузин ушло в леса к литовским «лесным братьям». Полковник Ш. Маглакелидзе был отстранен от командования легионом и переведен на службу в германские части в Прибалтике. Позднее, в 1944 г., в знак признания его заслуг в деле создания Грузинского легиона ему было присвоено звание генерал-майора вермахта.

Большинство грузинских батальонов оказалось во Франции и охраняло «Атлантический вал» в составе 7-й армии вермахта. 795-й (с апреля 1943 г. – IV/739-й батальон 709-й пехотной дивизии), располагался в Шербуре и участвовал в его обороне от наступавших англо-американских войск. Но, потеряв в бою немецких командиров, разбежался, открыв американским танкам дорогу в глубину обороны. 797-й (с апреля 1944 г. – IV/739-й батальон 709-й пехотной дивизии), находился во Франции с февраля 1943 г. и был почти целиком уничтожен в боях в Нормандии. Оценивая использование восточных батальонов в боях за Нормандию, генерал-майор Нидермайер отмечал «низкую боеспособность этих частей. Добровольцев, вооруженных старыми русскими винтовками, бросали в бой против превосходно оснащенных войск союзников и, несмотря на ожесточенное сопротивление некоторых из них, восточные батальоны либо уничтожались, либо отступали под ударами превосходящих сил противника» [44].

798-й батальон действовал в составе 384-й пехотной дивизии, с февраля 1944 г. – 275-й пехотной дивизии. В ноябре был переброшен в Эльзас, вскоре расформирован. 799-й батальон входил в состав 25-го армейского корпуса, участвовал в операциях против партизан в центральной части Франции. В июне-июле 1944 г. принимал участие в боях в Нормандии, в августе был выведен в Германию, в начале 1945 г. – в Данию, где включен в 1607-й кавказский гренадерский полк 599-й русской бригады. 823-й батальон входил в составе 7-й армии на острове Гернси (Нормандские острова) и сражался вместе с немецким гарнизоном до самого окончания войны в Европе. В центральных районах Франции действовали I/9-й и II/4-й батальоны. II/198-й грузинский батальон в начале декабря 1943 г. был переброшен с Украины в Северную Италию, где вошел в состав 2-го танкового корпуса СС и участвовал в боях с партизанами в районе Джунео, Домодосолле и Брешии.

Пожалуй, наибольшую известность получил 822-й грузинский батальон, а поднятое им антифашистское восстание назвали «последним сражением в Европе». Еще в 1949 г. М.И. Кочишвили представил кандидатскую диссертацию, посвященную данному вопросу, однако ее защита была отложена на пять лет [45]. Впоследствии историки также не раз обращались к этому вопросу, в отличие от судеб других грузинских частей вермахта [46].

Во Франции 822-й батальон первоначально располагался в районе Лиона, затем в Зандфоорте (Голландия) в составе 344-й пехотной дивизии. Позже он был переброшен на хорошо укрепленный остров Тексел, являвшийся ключевым пунктом германского «Атлантического вала». В дальнейшем германское командование планировало перебросить батальон в Хельдерскую провинцию Голландии для ведения

боевых действий против английских войск. Однако еще в начале 1944 г. в батальоне была создана подпольная организация, сумевшая установить связь с голландскими коммунистами. В нелегальной типографии Коммунистической партии Нидерландов печаталась на грузинском языке газета «Элва» («Молния») [47].

В ночь с 5 на 6 апреля 1945 г. легионеры, надеясь на скорую высадку войск союзников, подняли восстание под руководством бывшего советского капитана ВВС Шалвы Лоладзе. Восставшие перебили немецкий гарнизон, но не смогли захватить береговые батареи на севере и юге острова, и вскоре немцы высадили десант с материка. Брошенные на подавление восстания части вермахта в четыре раза превосходили численность легионеров. 18 апреля легионеры под натиском противника решили уйти в лес, где еще месяц продолжали борьбу, несмотря на капитуляцию Германии. Только 20 мая 1945 г. высадившийся на острове канадский десант прекратил уже бессмысленные бои. К этому времени из 800 легионеров в живых осталось 235 чел. В ходе подавления восстания были казнены все захваченные в плен раненые и больные легионеры, а также укрывавшие их местные жители [48]. Всего за время «русской войны», как прозвали эти события жители Тексела, погибли 800 немцев, 500 грузин, а также 120 местных жителей. В 1953 г. голландцы воздвигли на острове гранитный монумент в Ходеберге в память восстания. Постоянная экспозиция о восстании существует в музее авиации аэропорта острова [49].

Помимо Грузинского легиона, в составе вермахта действовали и другие грузинские части и подразделения. Сформированное на Украине 29 апреля 1942 г. объединение Кавказских военно-строительных рот военнопленных имело в своем составе 4 грузинских роты с немецкими командирами. Для обслуживания нужд Восточного фронта были созданы также 30 грузинских транспортных колонн. 11 грузинских отдельных инженерно-строительных рот входили в состав военизированной Организации Тодта. Грузины также находились в рядах Восточно-туркестанского полка СС Майер-Мадера и отдельного кавалерийского эскадрона СС. Незначительное количество грузин состояло на службе в Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А.А. Власова и ряде украинских формирований, в том числе в дивизии СС «Галичина», причем не только рядовыми, но и командирами [50].

Незадолго до окончания войны по инициативе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера была предпринята попытка объединения всех вооруженных формирований вермахта и СС из советских граждан и эмигрантов под руководством Власова и созданного им Комитета по освобождению народов России (далее – КОНР). Однако руководители кавказских национальных комитетов, включая и М.М. Кедия, находившиеся под покровительством А. Розенберга, 6 октября 1944 г. обратились к нему с

письмом, в котором подтверждали свою готовность продолжать совместную антибольшевистскую борьбу под руководством немцев, а не Власова [51]. Кедия лично встретился с Власовым, заявив о неприемлемости его кандидатуры для общего руководства.

18 декабря 1944 г. в Берлине в противовес КОНР было созвано заседание представителей «порабощенных Россией народов». В нем приняли участие руководители всех кавказских и ряда других национальных комитетов с целью продемонстрировать единую волю «к борьбе за освобождение своих народов и своей земли от русской оккупации и возрождению своих национальных государств». Опираясь на поддержку Розенберга, в марте 1945 г. лидеры национальных комитетов добились их признания в качестве временных правительств «независимых государств». Тем не менее позже в состав КОНР лично вошел генерал Ш. Маглакелидзе.

Предпринимались в конце войны и попытки создания отдельных национальных армий из остатков разбитых на Западе восточных батальонов. На учебном полигоне в Нойхаммере на основе лучших кадров кавказских легионов был сформирован 12-й кавказский истребительно-противотанковый отряд. Весной 1945 г. он действовал на Одерском фронте и принимал участие в обороне Берлина. Менее боеспособные подразделения были преобразованы в строительные части и использовались на фортификационных работах [52].

В Северной Италии в 1944 г. располагалась грузинская боевая группа, сформированная из двух батальонов под командованием штандартенфюрера СС князя М. Цулукидзе. Немецкое командование предполагало объединить грузин с Северокавказским полком СС К. Улагая для последующего развертывания в Кавказскую кавалерийскую дивизию как основу будущей «Кавказской освободительной армии». Ее должен был возглавить один из активных участников гражданской войны на Северном Кавказе, генерал-майор Л.Ф. Бичерахов. Разумеется, в конце войны все эти планы окончились неудачей. Еще одна группа грузин присоединилась к Казачьему стану Т.И. Доманова и отправилась с ним в Австрию.

После окончания боевых действий в Европе большая часть грузин, служивших в рядах вермахта, СС и других подразделениях третьего рейха, была передана союзниками, согласно ялтинским соглашениям, в СССР. Небольшая часть, прежде всего офицеры Грузинского легиона и военнослужащие «Бергмана», были расстреляны, основная масса по возвращении отбывала уголовное наказание за сотрудничество с противником в виде лишения свободы на срок от 10 до 25 лет. Прощение заслужили только оставшиеся в живых участники восстания на острове Тексел, которых в Тбилиси встречали как героев. Но потом и некоторые участники восстания были арестованы и окончательно реабилитирова-

ны только в 1956 г. [53]. Немногим удалось уйти от ответственности, покинув Родину, как, например, подполковнику Дмитрию Шаликашвили с семьей. Бежать ему помогли сами американские военнослужащие, и в 1951 г. он перебрался в США.

Подводя итоги, следует отметить, что на стороне противника во время Великой Отечественной войны служили представители различных народов СССР, в данном отношении грузинский коллаборационизм в 1941–1945 гг. не является уникальным историческим явлением. С другой стороны, история российско-грузинских отношений знает гораздо больше примеров боевого сотрудничества, чем вооруженного противостояния, и это придает рассматриваемым событиям отчасти исключительный характер. Всего в составе вермахта и различных германских спецслужб находилось, по разным подсчетам, от 25 до 30 тыс. грузин, в том числе около 20 тыс. в составе Грузинского легиона, остальные – в подразделениях абвера, СС и тыловых частях [54].

Основные причины перехода грузин на сторону третьего рейха можно свести к нескольким группам обстоятельств. Во-первых, это факторы социально-психологического порядка, обусловленные тяжестью ситуации, в которой находились советские военнопленные и спецификой ее восприятия. Вступление в национальные легионы и другие вооруженные формирования вермахта представляло для них одну из немногих возможных стратегий выживания в немецком плену, а ее психологическим оправданием нередко служила надежда на переход линии фронта. Во-вторых, национально-политические факторы, порожденные стремлением к независимости Грузии и недовольством советским режимом, его антирелигиозной политикой и массовыми репрессиями, ограничением свобод и коллективизацией, имевшие особое значение для эмигрантов, но разделяемые и частью советских граждан. В-третьих, индивидуально-психологические факторы, поскольку служба в вооруженных формированиях рейха предоставляла определенные возможности для удовлетворения тех или иных потребностей человека, его амбиций, тщеславия и т.д. Все это не позволяет давать однозначной оценки грузинским коллаборационистам, поскольку в каждом конкретном случае принятие решения определялись различными факторами, а то и их совокупностью.

В то же время для германского руководства создание грузинских вооруженных формирований стало лишь средством для достижения собственных военных и политических задач, ибо даже в случае победы третьего рейха Грузия не получала независимости, а переходила под германский контроль. В условиях военного времени грузинские легионеры подвергались дискриминации, по сравнению с военнослужащими-немцами, хуже снабжались, в них был ниже уровень дисциплины. Легионеры нередко дезертировали, переходили на сторону советских

войск и партизан, несмотря на то, что в случае неудачи их могли казнить немцы, а удача вовсе не гарантировала хорошего приема. Перевод восточных батальонов на другие участки фронта еще более снизил уровень их боеспособности, лишив последних надежд на «освобождение Грузии».

Отдельные немецкие солдаты и офицеры в своих воспоминаниях не раз отмечали мужество и инициативность грузин, которых, вопреки инструкциям, награждали немецкими орденами и медалями. Опыт создания и действий отдельных частей, особенно специального соединения «Бергман», не являвшегося, впрочем, чисто грузинским по своему составу, показывает, что умение командиров использовать национальные особенности военнослужащих, знание их психологии, уважение к культуре, а также тщательный отбор личного состава, его усиленная боевая и идеологическая подготовка могли обеспечить достаточно высокий уровень боеспособности. О боевом духе «кавказского спецназа» абвера свидетельствует уже то, что за все время боев на Кавказе из его рядов не было дезертиров, в отличие от других национальных частей, что, собственно, и позволяет считать его пример скорее исключением, чем правилом.

В целом же, «грузинский проект» третьего рейха оказался несостоятельным. В данной связи закономерно возникает вопрос о том, насколько в самой Грузии было известно о действиях грузинских частей рейха. Большинство ее населения, как и жители других советских республик, продемонстрировало стремление приложить все силы для победы в войне. В то же время современные исследователи, ссылаясь на отдельных очевидцев, отмечают выжидательную позицию части общества, особенно старшего поколения, представители которого помнили не только о высоком культурном уровне Германии, но и о той помощи, которую оказали немецкие войска в конце Первой мировой войны [55].

Тем не менее, даже в работах грузинских авторов, сочувственно относящихся к различным проявлениям «национального движения», признается, что большинством людей, «воспитанных в духе преданности коммунистическим идеалам, война была воспринята как отечественная. Они самоотверженно боролись с гитлеровцами, и многие из них сложили головы за победу над Германией» [56]. Действительно, в составе советских Вооруженных сил в 1941–1945 гг. воевало несоизмеримо больше грузин, чем в составе соединений третьего рейха. При этом они защищали не столько коммунистический строй, сколько свою собственную Родину от общего опасного и жестокого врага.

Примечания:

1. Ибрагимбейли Х.-М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. М., 1977. С. 198.

2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 188.
3. См. подробнее: Кринко Е.Ф. Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т.3 (35). М., 2006. С. 107–121.
4. ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 189.
5. Там же. Л. 189, 195.
6. Грузинский царский дом: прошлое и настоящее. URL. <http://www.hist.ru/gruztsar.html>.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 94. Л. 41 об.
8. Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006. С. 131–132.
9. Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 536.
10. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1965. № 5. С. 33.
11. Чуев С. Указ. соч. С. 536–537.
12. Андерсен Э. Грузинский легион в составе вермахта: форма одежды и знаки различия. URL. <http://www.conflicts.rem33.com/images/Georgia/glunif.htm>.
13. Абрамян Э. Указ. соч. С. 94.
14. Кавказ. 1942–1943: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 38.
15. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: документы и материалы. М., 1966. Т. 2. С. 266–267.
16. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 202.
17. Чуев С. Указ. соч. С. 530.
18. Абрамян Э. Указ. соч. С. 164.
19. Романько О. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006. С. 363.
20. Дробязко С.И. Указ. соч. С. 152.
21. Романько О. Указ. соч. С. 365.
22. ГАРФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 99. Л. 226.
23. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф.4372. Оп.1. Д.3. Л.110б.
24. Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле? О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 43–44.
25. Грузинские формирования. URL. <http://www.whiterussia1.narod.ru/CITIZII/GRUS.htm>.
26. Романько О. Указ. соч. С. 362–363.
27. Андерсен Э. Грузинский легион в составе вермахта: форма одежды и знаки различия. URL. <http://www.conflicts.rem33.com/images/Georgia/glunif.htm>.
28. ЦДНИКК. Ф.4372. Оп.1. Д.3. Л.17 – 19.
29. Мамулиа Г. Грузинский легион 1943–1944 гг. (Последние бои на Восточном фронте). URL. <http://ostbataillon.fromru.com/georgleg.htm>.
30. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 743. Л. 2–3.
31. Дробязко С.И. Указ. соч. С. 203.
32. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 231. Л. 372.
33. Крикунов В.П. Указ. соч. С. 43–44.
34. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–23.
35. Романько О. Указ. соч. С. 368.

36. ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
37. Там же. Л. 14–15.
38. Крикунов В.П. Указ. соч. С. 41.
39. Романько О. Указ. соч. С. 368–369.
40. Мамулиа Г. Указ. соч.
41. Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 36.
42. Верг А. Россия в войне 1941–1945 гг. М., 1967. С. 418–419.
43. Мамулиа Г. Указ. соч.
44. Дробязко С.И. Указ. соч. С. 225.
45. См.: Кочиашвили М.И. Грузины партизаны в Голландии (восстание на острове Тексел): Дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1949; Его же. Из истории партизанской борьбы против немецко-фашистских захватчиков в Великой Отечественной войне (восстание на острове Тексел): Дисс... канд. ист. наук. Тбилиси, 1954.
46. Бычков Л.Н. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1965; Цкитишвили К.В. Закавказье в годы Великой Отечественной войны. Тбилиси, 1969 и др.
47. Цкитишвили К.В. Указ. соч. С. 392.
48. Чуев С. Указ. соч. С. 535.
49. Грузинское восстание на острове Тексел. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki.ru>.
50. Андерсен Э. Грузины «по ту сторону»: 1941–1945. URL: <http://www.conflicts.rem33.com/images/Georgia/GEORG%20LEGION.htm>.
51. Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 305.¹
52. Дробязко С.И. Указ. соч. С. 312–313.
53. Зотов Г. Кровавый остров // Аргументы и факты. 2008. № 19 (612). 7 мая.
54. См.: Андерсен Э. Грузины «по ту сторону»: 1941–1945; Дробязко С.И. Указ. соч. С. 524; Романько О. Указ. соч. С. 396 и др.
55. Андерсен Э. Грузины «по ту сторону»: 1941–1945.
56. Вачнадзе М., Гурули В., Бахтадзе М. Указ. соч.

UDC 908

GEORGIAN UNITS OF WEHRMACHT AND GERMAN SPECIAL SERVICES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Evgeny F. Krinko
Doctor of History, Leading Researcher
Southern scientific Center RAS
Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

Article concerns Georgian collaboration during the Great Patriotic War. Special attention is attached to their number, equipment, as well as Georgian legionaries' activity rate at fighting line.

Keywords: collaboration, Georgians, ehrmacht, the Great Patriotic War.